

Юлий РАЙЗМАН:

ЗАГАДОЧНОСТЬ ПРОСТОТЫ

Когда окидываешь мысленным взором весь путь в киноискусстве народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда, кинорежиссера Юлия Райзмана, то невольно отмечаешь две особенности. Во-первых, его постоянную приверженность к теме современности. И, во-вторых, ощущение некоей полемической простоты в названиях его фильмов. Вспомним знаменитые его картины — «Коммунист», «Твой современник», «Частная жизнь». Просто, вроде бы даже безыскусно, звучат их названия. Но как же емко и многозначно, если оживить в памяти содержание этих лент. В них — жизнь человеческого духа, жизнь человека. Обыкновенная, поскольку он наш современник. И необыкновенная, поскольку он — герой фильмов Юлия Райзмана. Собственно, с этого и начался наш разговор.

— Почему я отдаю предпочтение современной теме в кино? Из-за ее неизведанности. Из-за желаний заглянуть в завтра. Приоткрыть за обычным, естественным и таким привычным течением жизни ток исторического времени: ведь современность, переживаемая нами сегодня, завтра становится Историей. И тут очень важно человеку осмыслить свое бытие, жизнь и труд, чтобы в написанную сегодня страницу Истории внести хотя бы одну свою букву. Думаю, что ни одно искусство не способно так подробно и с исключительным правдоподобием отобразить действительность, достоверность характера человека, как это может кино.

Конечно, должна быть драматургия человеческих взаимоотношений, должно быть художественное обобщение, типизация, творческое открытие жизни, а не ее зеркальное отражение. Зеркало есть зеркало, холодное, равнодушное стекло. Искусство же — волшебное зеркало, умеющее говорить человеку правду о нем самом. Будто в сказке: светик-зеркальце, скажи, да всю правду покажи... Это — очень важная функция искусства: помогать человеку видеть себя, познавать свои возможности, раздвигать горизонты собственной творческой жизни.

Если говорить обо мне, то я живу современностью, мне она чрезвычайно интересна своей вечной новизной, проблемами, которые волнуют общество и, естественно, меня. Вот почему я снимаю только современные картины. И мой опыт исторических фильмов очень незначителен, да по-настоящему я ими и не занимался вовсе. Признаюсь, я люблю смотреть исторические картины, но снимать их я бы не хотел.

— Позвольте с вами не согласиться. Разве ваш фильм «Коммунист» — не исторический в какой-то мере?

— Вот именно: в какой-то мере... Для кого-то из зрителей, особенно молодых, он, наверное, и является таковым. Но не для меня. Мне уже восемьдесят лет, и двадцатые годы — это моя современность, моя молодость. И все же, снимая картину, выбирая на роль Губанова Евгения Урбанского, мы думали не только о коммунисте тех лет, но и о современниках 50-х годов...

— Добавлю к сказанному, что и сегодня, в 80-е годы, Губанов Урбанского кажется современным и нами...

— Вот видите!.. Спасибо за доброе слово в адрес этого прекрасного актера, которому, на мой взгляд, удалось главное: показать движение характера своего героя — из Вчерашнего в Завтра! Потому мы и назвали свою картину просто — «Коммунист», то есть коммунист на все време-

на... Такую ленту снимать было не менее ответственно, чем современную. Зритель лично мог и не знать тот исторический период, но при этом он все-таки имел возможность провести свою эмоциональную проверку. Что же касается картин на современную тему, то здесь зрителю доступно проверить нас буквально во всем, ибо происходящее на экране взято из его жизни.

— Вот вы сказали об эмоциональной проверке правды фильма зрителем. А как совместить это с тем, что в последние время мы все чаще употребляем такое понятие, как «интеллектуальный фильм»?

— Да, сейчас бытует такое определение. Правомерно ли оно или нет? Вспомните, как говорил Владимир Ильич Ленин, что без эмоции нет и не может быть подлинного искания истины. Произведение искусства должно быть и эмоциональным. То есть тенденция автора должна обретать в художественном произведении художественную, эмоциональную плоть. А вот иные «интеллектуальные» фильмы подчас теряют свою эмоциональность, остаются «умными», о них вроде бы престижно спорить, но вряд ли они способны взволновать сердце. Отсюда и эдакие «интеллектуальные» режиссеры. Но их искусство из-за чрезмерной «рациональности», как ни странно, теряет свой глубокий смысл. Становится неким ребусом. Сердце, ум, талант, темперамент — вот что в конечном итоге определяет значительность художника.

— Хочу вернуться к вашей картине «Твой современник». Она ведь тоже чрезвычайно насыщена интеллектуальным началом? Как бы намеренно кажется «незрелищной»...

— Это очень важная мысль. Когда мы с Евгением Габриловичем решили снимать эту ленту, то сразу же договорились: это будет фильм слова. Что мы под этим подразумевали? Обилие споров, самых разнообразных, охватывающих разные сферы нашей жизни. Обычные кинематографические приемы играют в картине несколько приглушенную роль, освобождая пространство на экране диалогам. Это было полемикой с пыльным нашествием именно зрелищных элементов в кино, особенно в западном. Так что наш спор носил как бы идеологический потенциал. Почему идеологический? Да потому, что мысль, выраженная эмоциональным словом, является чрезвычайно важным оружием в создании характеров именно советского положительного героя.

Мысль героя картины, ее масштаб, глубина, необычность должны в обрисовке характера вставать вровень с деланиями человека, с их масштабом и силой. Разве не так в нашей повседневной жизни? Зритель хо-

чет не только сопереживать, но и как бы подключаться к глубокому, страстному, граждански равнодушным раздумьям героев. И соглашаться с ними и даже спорить в чем-то!..

Живой отклик на живую действительность — вот что делает наше искусство самым демократическим. Всякие же герои типа «пиратов XX века», — герои на один час, они сразу же забываются после сеанса. — Как вы думаете, почему подобные ленты все же нередко собирают значительную аудиторию?

— Давайте поставим вопрос иначе: чего ищет зритель? Он ищет встречи на экране с таким образом человека, который открыл бы ему нечто новое в жизни, приобщил бы к нему, объяснил многое, да просто радовал бы. Роскошь человеческого общения — это ведь и к искусству имеет прямое отношение. Герой и зритель — жизненно важная проблема... Здесь, мне думается, главное в том, что искусство должно способствовать реализации в человеке его творческого потенциала. Где бы он ни работал! И, быть может, в первую очередь — именно в сферах производительного труда. Поясно. Сегодня героическое — в нашей стране, стоящей на страже мира во всем мире, — проявляется прежде всего в том, как человек творчески работает, как умножает мощь Отчизны. Разве думают о героизме люди в трудных условиях БАМа или те, кто совсем недавно «вытаскивал» корабли, затертые во льдах на Северном полюсе? Конечно, они преодолевали громадные трудности. Может быть, и это — тоже героизм? Но спросите у них, и они ответят: такая работа!.. Есть негромкий, естественный героизм повседневной жизни. Вот почему мне лично близок герой — обычный человек, несущий в себе высокие идеи. Умный. Обязательно увлеченный и хорошо знающий свое дело. Люблю людей с чувством юмора, оно придает жестокость характеру. Такого героя, думаю, ждут и зрители.

— Наверное, у каждого художника есть «чувство пути», каждый фильм его — вежа. Я знаю, сейчас вы заканчиваете работу над своей новой картиной. Ее название мне кажется символическим — «Время желаний»...

— Я бы не хотел говорить о картине, которую скоро зрители увидят. Они решат сами — удалась она или нет. У меня есть картины, которые сам я не очень-то люблю, а зрители пишут добрые письма. Наверное, я не честолюбив. Но в этом — мое счастье. Вообще, счастлив тот, кто жизнерадостен, общителен, у кого много друзей, кто живет полнокровной жизнью, добиваясь исполнения желаний. И не только своих! Могу лишь добавить к этому, что в центре моей новой картины — судьба женщины, активно строящей жизнь, свое счастье!..

А. ЛЕБЕДЕВ.